

„Случаи из жизни“ в процессе их художественного воспроизведения апперцепируются богатым запасом библейских сюжетных схем и стилистических формул и расцвечиваются словесными красками церковно-богослужебного и житийного материала, „Новое евангелие“ создается на основе старого».²²

Рассказ о действительных событиях и реальных страданиях своих Аввакум ведет в нераздельных ассоциациях с привычным для него кругом библейских представлений. Он самого себя и свою жизнь совершенно невольно «стилизует» под житие библейского пророка или апостола Христова. Сила индивидуального переживания находит наиболее выразительную литературную форму во внутренней ориентировке на библейские образцы и библейскую стилистику.

То двоение, которое В. В. Виноградов отметил в стилистике «Жития», распространяется ведь и на его построение, на расположение и, главное, на подбор материала. События вполне реальные, бытовые, вплоть до физиологических отправлений, соседствуют в «Житии» с чудесами в прямом значении этого слова. Чудеса совершает бог по молитве Аввакума или по собственному изволению, чудеса творит и сам Аввакум, исцеляя одержимых бесами людей, кликуш, больных кур, побеждая шамана. Зло, бесы в малых и частных своих проявлениях вынуждены уступить Аввакуму, который, таким образом, оказывается равен «святым» угодникам, и в этом внутреннее оправдание для него своего права писать именно «житие», а не роман, повесть или историю. Аввакум как бы включает себя в галерею подвижников и страдальцев за веру Христову, он сам себя при жизни «канонизирует» за свои муки и за чудеса, им сотворенные. Поэтому, подчеркивая полемически свою «простоту», Аввакум строит стилистику «Жития» на очень сложном взаимопроникновении божеского и человеческого, библейских образов и фактического, полного поэзии рассказа о реальных мытарствах и невыдуманных ссылках.

В другом лагере современной Аввакуму литературы, среди сторонников официальной церковности, обращение к Библии как материалу литературному проявилось сильнее всего в творчестве Симеона Полоцкого. Несмотря на разделявшие их религиозно-богословские споры, оба — и Симеон, и Аввакум — были движимы общим стремлением эпохи к «биографизации» литературы, к привнесению в нее моментов личных и личностных, к превращению ее в какой-то мере в «отражение» жизни, а не только идеала религиозного или политического. Эта личная тема была одновременно и темой общественной. В идее «равновеликости» «святым» пророкам и великомученикам Аввакума, мучимого царскими воеводами и тюремщиками, в идее «сердца» как меры человеческого поведения у Симеона Полоцкого выразилось новое сознание эпохи, еще не объявившей человека — разумную человеческую природу — универсальным идеологическим принципом, но уже восставшей против средневекового его принижения и умаления. И в переложениях псалмов Симеона Полоцкого, как в «Житии» Аввакума, человек второй половины XVII в. заявил свое право на собственное, личное, только ему присущее отношение к миру, к истории, к индивидуальной судьбе.

Прогрессивно-эстетическое начало «Жития» Аввакума было воспринято русской литературой только в эпоху Лескова. Предложенный Полоцким метод поэтического переосмысления библейских псалмов получил необык-

²² В. В. Виноградов. О задачах стилистики. Наблюдения над стилем жития протопопа Аввакума. — Русская речь, сборник под ред. Л. В. Щербы, вып. 1. Пгр., 1923, стр. 211—212.